

Имя Набокова на устах в широком кругу. Чаше, громче говорят о его гениальном таланте. Многим, позавчера знаменитым, писателям пришлось потесниться, уступая ему место и на полках, и в читательском сознании. Тех, кто знает имя, больше, чем тех, кто знаком с книгами. Это нормально, и без курьезов не обошлось. Обаятельный тележурналист Леонид Парфенов («Вагриус» анонсирует его авторский фотоальбом «Наша эра») рассказал, что в Швейцарии для туристов собираются открыть экскурсию по набоковским местам, и можно услышать: «Набоков? «Живаго» (с ударением на «о»). Этот курьез, пожалуй, не рассмешил, а огорчил бы писателя, будь он жив: Набоков как поэт испытал влияние Бунина и Пастернака, но завидовал их Нобелевкам - даже спародировал стихотворение Пастернака «Нобелевская премия», невольно выказав свои чувства. Сам он был выставлен на Нобелевку в 1972-м Солженицыным, но комитет споткнулся об аморализм «Лолиты».

Переломившееся в конце 80-х время резво помчалось вперед. В 1997-м странно признаться, что в юности мне о Набокове не довелось и слышать. Бабочка Набокова - символ хрупкой красоты, обреченной на гибель, - порхала по ту сторону переманной полосы. За железный занавесом.

Набоков обращался к будущему читателю: «Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен. К тебе на грудь я прянул через мрак. Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк из прошлого... Прощай же. Я доволен». Это написано в 1930-м, мрак длился и длился, и Набоков, держа в уме будущие века, к признанию на родине относился с недоверием: «Нет, никто никогда на просторе великом ни одной не помянет страничку твоей: ныне дикий пребудет в неведенье диком, друг степей для тебя не забудет степей». Это уже как бы пародия на Пушкина... Набоков думал, что его имя промелькнет разве что «в специальном труде, в примечанье к названью эмигрантского кладбища...»

Есть люди, читающие быстро. Способностью быстрого чтения гордился, например, Варлам Шаламов: «В мое зрение попадают двадцать - тридцать строк сразу, и так я читаю все книги всю жизнь». Набокова так читать нельзя. Тут беглость не годится. Сплетя свое узорчатое барокко, Набоков деспотически требует - востину Rex! - особо пристального внимания. С ним не стоит беседовать в метро - забудешь свои «степи», проедешь. В какого-нибудь «Хвата» или «Картофельного Эльфа» ныряешь, как поезд в тоннель, дочитываешь, читаешь сразу же, глотнув воздуха, опять погружаться и перечитывать, потому что все впитать за раз невозможно. А романы!..

Набоков как поэт испытал влияние Бунина и Пастернака, но завидовал их Нобелевкам - даже спародировал стихотворение Пастернака «Нобелевская премия», невольно выказав свои чувства. Сам он был выставлен на Нобелевку в 1972-м Солженицыным, но комитет споткнулся об аморализм «Лолиты».

Переломившееся в конце 80-х время резво помчалось вперед. В 1997-м странно признаться, что в юности мне о Набокове не довелось и слышать. Бабочка Набокова - символ хрупкой красоты, обреченной на гибель, - порхала по ту сторону переманной полосы. За железный занавесом.

Силуэты

Гамлет на авансцене эпохи

Моск. правд. - 1997. - 2 сент. - с. 9.

Набоков получил домашнее образование, увлекался энтомологией: «Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно: есть солнце, будут и бабочки». В конце концов, став профессионалом, он дал названия впервые обнаруженным и описанным микроскопическим органам чешуекрылых.

У юного Володи был мягкий, веселый, дружелюбный характер. Он был глубоко привязан к отцу, нежно любил мать. Однажды, играя в футбол, ушиб товарища: взволнованный, долго не прощал себе, что невольно причинил боль, забегал проведывать...

Окончил Тенишевское училище в Петербурге, затем, в 1923-м, Кембриджский университет. Вернуться на родину было уже невозможно. С 1923-го по 1937-й жил в Германии, с 1937-го по 1940-й - во Франции; с 1940-го - в США; последние годы провел в Швейцарии. Похоронен в Кларане, пригороде Монте-Карло, на берегу Женевского озера. Надгробная надпись, по прихоти судьбы, сделана по-французски.

До 1940 года Набоков пользовался псевдонимом, претенциозность которого свидетельствует о неуверенности в себе: Сирин.

Стремительное возвращение Набокова на родину тоже не обошлось без курьезов. Читаю указатель имен к «Второй книге» Н.Мандельштам: «Набоков, псевд.; наст. фам. Сирин Владимир Владимирович... сын В.Д.Набокова...» Путаница...

В США Набоков писал по-английски: «Лолита», «Ада»,

«Взгляни на Арлекина!»... Перевел и построчно прокомментировал «Евгения Онегина». Дал десятки интервью - они собраны в книге «Твердые мнения».

Во фразе, что начинается его автобиографические «Другие берега», заключен высший смысл: «Колыбель качается над бездной». Набоков - это хрупкое «я», бесконечно любящее жизнь и столь же сильно ощущающее ее конечность. Набоков - сознание, в котором нет места Богу: «Заглушая шопот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь - только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями». Мы вправе увидеть в «бездне» этого «безбожника с

как бы равнодушного, художника?

Вслушаемся, как Набоков поэтически выразил тяжесть ностальгии. Вот его обращение к России: «Отважись, я тебя умоляю! Вечер страшен, гул жизни затих. Я беспомощен. Я умираю от слепых наплываний твоих». Тут, кажется, предвосхищение пастернаковского «Гамлета»: «Гул затих. Я вышел на подмостки /.../ Чашу эту мимо пронеси». И Набоков тоже Гамлет...

Пансион его прозы плотно населен малосимпатичными персонажами. Угрюмые, докучливые. То фальшивые, то трусливые. То откровенно подлые. Выглядят соответственно. В авторском голосе слышится злость, разочаро-

вольной душой» и другое: образ если не вполне черной, то достаточно мрачной эпохи развзвывания звериных инстинктов, таящихся в человеке. Набоков - беженец, которому чудилось, что во сне он приплыл в Россию: «и вот ведут меня к оврагу, ведут к оврагу убивать». Можно сказать, что он случайно ускользнул от «родимого безумия»: останься на краснорозвездной родине, превратился бы в лагерную пыль.

Впрочем, «родимое безумие» у Набокова многогранно. В одном из рассказов появляется белый офицер, он хранит записную книжку «времен Деникина и покоренья Крыма»: в ней 523 крестика. «Я считал, конечно, только тех, которых бил наповал», - спокойно говорит офицер.

Покров изгнанника, названного в берлинских стихах благополучным, также оказался непрочен. Пуля настигла Набокова-отца - не германская и не большевистская: выстрелил эмигрант-монархист, один из темных, по словам Набокова, негодяев. А еще через несколько лет Набокову, вместе с женой Верой, в девичестве Слоним, русской еврейкой, пришлось бежать из Германии, чтобы не попасть под фашистскую пулю. Уходя в себя, он находил там ненависть «ко всякому тиранству».

Стоит ли удивляться, что эпоха-бездна выдвинула на авансцену такого нервного, бессонно-одинокого, надменного, слишком часто брюзжащего (характер постепенно портится), слишком сосредоточенного на себе, на внутренней драме, подчас ювелирно-формального,

вание: ущербна, пакостно-тягуча, мелочна человеческая натура.

Набоков признавался, что с годами у него «развился тончайший нюх на дурное». Благодаря этому «нюху» он вызывал наряду с восторгом недовольство: его обвиняли в бездушности, бездуховности. В подмене добродетельного пафоса приемом. З.Шаховская вспоминает: «...Я сидела с Иваном Буниным... и мы говорили о молодой русской литературе. Бунин высказывался очень скептически: «Молодые не знают своего ремесла», - сказал он. - «А Набоков?..» ...Бунин помолчал. - «Этот-то уже принадлежит к истории русской литературы. Чудовище, но какой писатель!» Из всех литераторов Набоков был ближе всего к Ходасевичу. Считал его поэзию таким же сложным чудом, как поэзия Тютчева, Блока. И Ходасевич высоко ценил Набокова. Так вот, у Ходасевича есть поздние строки, словно адресованные человеку: «Как больно мне от вашей малости, от шаткости, от безмятежности. Я проклинаю вас - от жалости, я ненавижу вас - от нежности». И Набоков в светлую минуту мог бы почувствовать так.

Набоков - ключевая фигура отечественной литературы: эпилог классической и одновременно пролог... чего? Постмодернизма? Постмодернисты вызывают ужас, но именно «набоковец» Битов отмечен в этом году госпремией. И кажется, что укрыться от Набокова уже никто не волен и в обход него не пройти никому.

Владимир ПРИХОДЬКО.